

Вчера в Москве состоялась церемония вручения премии имени Пушкина. Ее присуждает Фонд Альфреда Тёпфера. Основатель этого фонда, доктор Альфред Тёпфер, неоднократно приезжал в нашу страну. В 1932 году он был в республике немцев Поволжья и оказывал помощь голодающим. Премия имени Пушкина учреждена фондом в 1989 году за высокохудожественные произведения, получившие большую известность и переведенные во многих странах мира. Первым лауреатом стал Андрей Битов. В этот раз премии удостоен Фазиль Искандер. Специальным призом фонда отмечен Олег Волков.

— С БЛАГОДАРНОСТЬЮ принимаю премию имени Пушкина Фонда Альфреда Тёпфера. Есть писатели, которые громко отказываются от присужденной им премии. Я отношусь не из их числа. Писатель, громко отказывающийся от присужденной ему премии, сразу достигает двух премий. Отказ от премии становится лучшей рекламой самого факта наличия премии и одновременно становится премией за гордость, она же премия за скромность.

Более того. В головах наивных людей при этом возникает мысль: какой же огромной премии он достоин, если отказывается от этой?! Таким образом, отказавшись от одной премии, он сразу достигает трех премий. Мы не будем заниматься этими опасными шахматными жертвами, одновременно как бы мимоходом придавая своему признанию юридическую силу на будущее.

Об отношении награды и творчества со свойственной ему предельной ясностью у нас раз и навсегда сказал Пушкин:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

С немалой натяжкой можно назвать символическим, что, будучи школьником, первые свои стихотворные опыты я начинал с переводов Гёте. К сожалению, на этом и тогда же кончилось мое общение с немецким языком.

Гораздо существенней сказать, что в те сталинские времена преподаватель иностранного языка был самым несчастным учителем в школе. Школьники небрежней всего занимались иностранным языком, зная, что все равно им кое-как натянут отметку.

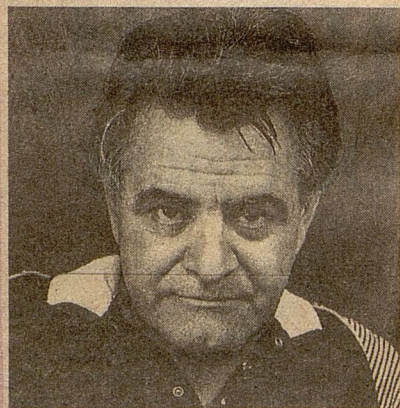
Я не думаю, что это специально санкционировалось сверху. Но в то-то и особенность диктаторского режима, что его воля чаще всего угадывается снизу, и школьники чувствовали, что их лень в изучении иностранных языков воспринимается начальством как шаловливая, но обаятельная форма патриотизма.

Но так было не всегда. Русская классическая культура всегда была частью общечеловеческой культуры. Вообще всякая национальная культура — или часть общечеловеческой культуры, или она не культура. Романтика, можно сказать, целиком к нам пришла из Германии.

Наш замечательный литературовед и переводчик Н. Н. Вильмонт в одной из своих книг обстоятельно проанализировал влияние Шиллера на Достоевского. Достоевский в глубине своей натуры был, конечно, романтиком, ибо кто, кроме романтика, мог высказать столь вдохновенный и столь сомнительный афоризм: красота спасет мир.

И чем крупнее и оригинальней художник, тем смелее он пользуется чужими идеями и сюжетами, ибо сам переполнен тем новым, что он может вложить в них. И чем более ограничен художник, тем самолюбивее он возится со своей самобытностью, ибо, взявшись за чужие сюжеты или идеи, он тут же обнаружит свою убогость по сравнению со своими предшественниками.

Вообще романтика хороша как победа мечты в мечтах. Когда романтика побеждает в жизни — это фашизм

или коммунизм. Не слишком ли склонны к романтике наши народы?

Наш Герцен, за время недолгого апоста изучивший итальянский язык (умрем от зависти), а позже, уже будучи в Европе, продиктовавший немецкому писцу письма «С того берега», удивил немцев богатством и красотой своего немецкого языка. К несчастью, впоследствии его нелюбовь к Марксу (Маркс разрушил его Гегеля) и ненависть к Гервегу (Гервег разрушил его семью) обернулись предрассудком против немцев, что было, мягко говоря, не вполне научно.

Предупреждение об опасности «марксидов», так их тогда называл Герцен, исходило не только от него, но и от Генриха Гейне. Гейне одно время увлекся Марксом и коммунизмом. Потом, как очень умный человек, все понял и проклял свое увлечение. Он писал, что при коммунизме в его стихи будут заворачивать селедку. Бедный Гейне! То, что при коммунизме и с селедкой будут большие проблемы, даже он с его ге-

ниальной фантазией не мог представить.

Я бы так определил психологическую сущность нашего советского общества и западного общества.

Идеальный коммунизм говорит: этот человек сам пока так несовершенен, что о его истинных нуждах должен заботиться другой человек. Но и другой человек так несовершенен, что о его истинных нуждах должен позаботиться этот человек. Идеальный коммунизм как бы исходит из того, что человек слишком слаб, чтобы позаботиться о себе, но при всем своем слабоумии он достаточно умен, чтобы позаботиться о другом. Таким образом выходит, что коммунисты не только Гегеля перевернули, но и Христа, который заботу о другом считал более высокой формой сознания, чем заботу о себе.

И так каждый будет заботиться о другом, а не о себе, и жизнь будет

Некоторые ученые говорят: «Правильно, мальчик! Только так ты поймешь, что тебе самому выгодно вовремя прополоть эти грядки. Надо приватизировать!».

Непонятно, что именно приватизировать. Мальчика? Клубнику? Или мальчика вместе с клубникой? Впрочем, подождем. Может, получится, хотя что именно — не вполне ясно.

Западное общество сказала человеку: «Надоел! Сам позаботься о себе!» Человек сначала потыркался, а потом в заботах о себе показал чудеса неутомимости, граничащей с героизмом для внутреннего употребления. Одновременно общество осторожно, чтобы не вспугнуть, слегка отщесняет его работоспособный эгоизм.

Нам есть чему у него поучиться, однако, если говорить о более глобальных вещах, земля под нашими ногами ненадежна, и хаос, клубящийся в подпочве, может взорваться

Фазиль ИСКАНДЕР:

Да здравствует Полоса Благородства!

в любом месте, как он уже взорвался на Кавказе, в моей несчастной Абхазии и других местах.

ОТДЕЛЬНЫЕ люди поддаются воспитанию, но человечество в целом невоспитуемо. Чтобы воспитать человечество, нужно было бы иметь в запасе еще одно, воспитанное человечество. Но где его взять? Божественный парадокс существования состоит в том, что мы, зная о том, что человечество невоспитуемо, должны жить так, как будто оно воспитуемо. Иначе наступит полный хаос.

Но и горькие истины о себе мы должны знать. Я думаю, что, если бы Чингисхану предложили бактериологическое оружие, он с презрительным негодованием отказался бы от него. «Мое оружие — конь и меч, — вероятно, сказал бы он, — а этими чумными насекомыми можете посылать собственные головы».

А наши цивилизованные государства до последнего времени безстыдно накапливали запасы такого оружия.

Человек, совершенствующий форму ключей, знает о нашей природе не меньше Шекспира. Человек, совершенствующий форму ключей, никогда не останется без работы. Чем совершенней ключи от нашего дома, тем позорней обнажается наше несовершенство.

Неумение ладить народа с народом есть продолжение неумения ладить человека с человеком. Однако у меня есть небогатый опыт наблюдения за жизнью трех-четырёх друзей, которые прекрасно уживались, оставаясь свободными и доброжелательными друг к другу. В чем секрет их гармонии? У каждого человека есть личностная территория, и никому не дано ступить на нее без разрешения хозяина. Однако духовно чуткий человек всегда оставляет на границе своей личностной территории достаточно шедрую Полосу Благородства. И когда коллега, друг или просто собеседник, неудачно пощупив или разгорячившись в споре, перешагнет на его территорию, он попадает в Полосу Благородства, но владелец территории делает вид, что ничего не заметил. Если тут нет злой воли, нарушитель вернется, и они продолжат дружбу или просто разговор. Да здравствует Полоса Благородства на всех наших личных и государственных границах!

Но как часто люди пузо в пузо стоят на границе своей личностной территории, и любое случайное шевеление или попытка почесаться стоящего напротив мгновенно воспринимается как покушение на личностную территорию, и вся жизнь превращается в цепь скандалов. И главное — отойти друг от друга они не могут, ибо боятся оставить без присмотра границу своей личностной территории. Так и живут. Иногда муж и жена, иногда друзья и, что ужасно, иногда соседние народы. И нет предела подлости той интеллигенции, которая не только не способствует смягчению нравов, развитию народной самонамории, а нагло зарабатывает дешевую популярность, разжигая националистические страсти.

Насколько я понимаю, наградили меня за «Сандро из Чегема», четвертая книга этого романа только что вышла в Германии.

Мой Чегем — это тоска по цельной жизни и цельным характерам. Обломки этой цельной, патриархальной жизни я еще застал в своем чегемском детстве. Из них я строил свой литературный дом. Юмор, ирония, сатира, лирика и сама правда, пусть в ее высшем смысле, для меня имеют значение только тогда, когда поднимают и укрепляют дух человека. Творческий аппетит у меня возникает только тогда, когда я вдруг нащупываю уголок сопротивления распаду. Насколько это удастся — судить не мне.

Недавно я чуть не подпрыгнул от радости, когда эту же мысль встретил у Мандельштама. Он говорит: если поэзия не лечит, значит, это не поэзия. Ничто так не радует, как если ты вдруг узнаешь, что твою заветную мысль уже высказал другой писатель. Значит, она объективна.